

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

1

НОВОСИБИГИЗ · 1940

✓ ЧЕХОВ В СИБИРИ

29 января мы отмечаем 80-летие со дня рождения великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

В этот день все газеты Советского Союза посвятили Чехову статьи, музеи и библиотеки устроили чеховские выставки, театры выступили с постановками его пьес, издательства выпустили новые сотни тысяч экземпляров его произведений. Этот день был большим литературным днем в стране Советов.

«Правда» опубликовала сообщение о изданиях произведений А. П. Чехова: «до Великой Октябрьской революции (с 1897 по 1916 г.) было издано 520 тысяч экземпляров произведений Чехова на пяти языках, из них на русском — 493 тыс. экземпляров. С 1917 года по 1939 год в свет вышли 14879 тыс. книг писателя на 54 языках — на языках народов СССР, а также иностранных».

Уже одни эти цифры говорят о том, что Чехов — один из любимейших писателей, писатель миллионов. В юбилейные дни было правильно отмечено, что чем ближе мы подходим к коммунизму, тем милее и дороже становится для нас Антон Павлович.

Почему писатель, про которого до революции во все трубы кричали, что он «певец русских сумерок», писатель, юмор которого называли «мягким», смех «печальным», стал одним из любимых писателей народа, строящего коммунизм?

Ответ здесь может быть только один. Чехов не был певцом сумерок, смех его не был мягким, а юмор печальным.

«В нашем сознании, — как правильно пишет «Литературная газета», — живет и будет жить Чехов гневный, Чехов решительный и, если хотите, беспощадный в своем творчестве. Для нас, строящих государство коммунизма, Чехов — верный друг и помощник. Потому что коммунизм — это враг всякой пошлости, в какие бы одежды эта пошлость ни рядилась. Чехов учит нас, как отыскивать пошлость, как классифицировать ее, ненавидеть и уничтожать ее... Чехов был человеком будущего, жил и творил для этого будущего... Он мечтал о нем непрерывно, говорил о нем, фанатически верил в него».

Чехов любил свою родину, был страстным ее патриотом в том высоком смысле, как понимал патриотизм великий русский демократ В. Г. Белинский: «любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому».

Любовь Чехова к родине, «желание видеть

в ней осуществление идеала человечества» прекрасно сказалось в его очерках о Сибири.

В 1890 году Антон Павлович предпринял длительную поездку через Урал, Сибирь и Дальний Восток на остров Сахалин. Он проехал на лошадях свыше четырех тысяч километров. Более двух месяцев он ехал через барабинские степи, енисейскую тайгу, через горы Забайкалья, дальневосточные сопки. Он видел сибирскую природу, ее леса, ее реки, ее озера на огромном пространстве, он наблюдал жизнь сотен притрактовых деревень, десятков уездных и губернских городов.

Чехов написал о своей поездке десять очерков, объединенных общим названием «Из Сибири» и отправил с пути сотни писем. В письмах и очерках писатель отобразил все виденное и слышанное в Сибири.

По характеру — это беглые заметки, дорожные наброски, наспех нанесенные штрихи. Но они написаны по-чеховски живо и ярко, в них свежие непосредственные впечатления. И когда читатель знакомится с ними, он в каждой строчке чувствует огромную любовь писателя, которую разбудили в нем новая для него природа Сибири и новые люди.

«Я согласился бы жить в Красноярске» — бросает фразу в одном из писем. «Иркутск — превосходный город» — пишет Чехов в другом письме. «Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два». И в другом месте: «Амур чрезвычайно интересный край... хочется навеки остаться тут жить». «Я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя».

В сибирских записях Чехова есть много великолепных зарисовок сибирской природы, пейзажей, ландшафтов.

О сибирской природе писали многие литераторы — невольные жители Сибири. Но они воспринимали ее через призму изгнаннических настроений. И описывая сибирскую природу, они лгали на нее, сами не сознавая этого.

Лучшие и непревзойденные произведения о Сибири создал В. Г. Короленко, бывший несколько лет в сибирской ссылке. Но от образов сибирской природы, созданных Короленко, веет «мраком и холодом», Сибирь рисовалась ему «холодной и дикой пустыней», «обширной и угрюмой», Горы и скалы — «сумрачными», камни — «мертвыми и бесплодными», реки — «пустынными», берега — «угрюмыми», сопки — «хмурыми и холодными».

С. Я. Елпатьевскому сибирское небо показалось «тусклым», река — «тусклой», бере-

га — «тусклыми», лес — «зунным». Объезжала у него такое сравнение: «как будто пропитанная водой губка-почва вылила на поверхность избыток своей влаги, и эта болотная вода выступила безобразными пятнами, разливаясь по низинам».

Так видели сибирскую природу и Шиманский, и Тан, и Серошевский и многие другие писатели. То есть видели ее не такой, какой она есть.

А. П. Чехов первый из русских писателей иначе, правильно увидел Сибирь, ее людей, ее природу. Скажут, что Чехов проезжал через Сибирь не как ссыльный, а как вольный турист и на его восприятии не отразились изгнанические настроения. Да, Чехов ехал, как вольный турист. Но «изгнанические настроения» были и не могли не быть и у него.

Да, он не был изгнанником в узком смысле этого слова, но кто больше его знал социальные уродства, «свинцовые мерзости», которые господствовали тогда в стране! Именно Чехов увидел в жизни злоеющие фигуры унтера Пришибеева, «Человека в футляре», «Хамелеона», которые были символом тогдашней России. Он, Чехов, в «Палате № 6» показал, как людей, осмелившихся мечтать и думать о лучшей жизни, запрятали в дом умалишенных, — создал по существу символ самодержавно-полицейского государства.

Чехов знал, что царизм превратил Сибирь в острог, в каторгу. «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, — писал он в письме Суворину за месяц до выезда на Сахалин, — сгноили зря, без рассуждения, варварски мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали...»

Все это видел Чехов своими глазами в Сибирь и тяжело переживал. Но это не убilo в нем веры в будущее, не убilo способность видеть красоту родной страны, «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье, разливы рек ее подобные морям».

По западной части Сибири Чехов ехал в распутицу, во время разлива рек, грязь, он испытывал здесь много путевых невзгод и лишений, и наброски Чехова о первой части пути носят мрачный колорит.

Но вот расцвела весна, улучшилась дорога и сибирская природа открылась перед Чеховым во всем своем великолепии и красоте.

Особенно сильное впечатление произвел на писателя Енисей:

«В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. ...Енисей — могучий, ценственный богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. ...На Енисее жизнь началась стоном, а кончилась удайю, какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчитя в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисея тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и описывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смыл еще берегов и не пробуровил дна. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные».

И в заключении — пророческие слова: «Я

стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Путь от Енисея на восток Чехов назвал «Сибирской поэзией».

«Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается... Все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые; хвой, согреты солнцем, насыщали воздух густым запахом смолы, поляны и опушка у дороги были покрыты нежно-голубыми, розовыми и желтыми цветами, которые ласкали не одно только зрение».

«Байкал удивителен, и недаром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна, необыкновенно, так что видно сквозь нее, как сквозь воздух».

«Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Пела, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по Донской степи, а утром проснешься от дремоты, глядя, уж Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

Сибирь приятно поразила Чехова очень многим. Его восхищали и сибирские реки, и леса, и горы, и яркость сибирского солнца. В одной из деревень он наблюдал, как женщина месила тесто; солнце через окно обливало своими лучами тесто и руки женщины и писателю показалось, будто сибирячка замешивала тесто на солнечных лучах.

«Право, — заключает Чехов, — я столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно».

Какая это разница с высказыванием Гончарова! В год пребывания Чехова на Сахалине «Русское обозрение» печатало очерки Гончарова «По восточной Сибири», в которых он писал о Сибири: «Тоска сжимает сердце, когда проезжаешь эти немые пустыни. Выработанному человеку в этих необозримых пустынях пока делать нечего. Надо быть отчаянным поэтом, чтоб на тысячах верст наслаждаться величием пустынного и скукой собственного молчания, или дикарем, чтобы считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшения своего жилища, медведей — за товарищей, а дичь за провизию».

А Чехов в одном из писем с пути восклицал: когда в Сибирь появятся свои поэты, то сибирская природа будет служить для них «неиссякаемым золотым прииском».

А. П. Чехова особенно радовало то, что в сибирском пейзаже нет дворянской усадьбы. «Усадеб по дороге не встретите, так как помещиков здесь нет», — отмечает он в одном из своих писем. Эту особенность сибирского ландшафта отмечал и другой писатель — Г. И. Успенский, побывавший в Сибирь двумя годами раньше Чехова.

«Все это прямо наше, российское, — писал Г. Успенский, — но в то же время есть во всем этом что-то и новое, что сразу решительно не поймешь и не сообразишь... «Нет барского дома» — вдруг озаряет мысль молчаливо сказавшееся слово, и вся тайна настроения, и вся сущность непостижимой до сих пор «новизны» становится совершенно ясной и необычайно радостной».

Сибирский крестьянин не имел понятия о барском доме, о «на конюшне», о бурмистре,

о «барской барыне» и это накладывало особый отпечаток на его характер, на весь его быт. Особенности сибиряка отмечали многие писатели и исследователи.

А. М. Горький говорил как-то, что Сибирь была заселена «живым беспокойным народом: политическими ссыльными, беглыми крепостными и просто смелыми вольнолюбивыми людьми». Г. И. Успенский с восхищением писал о самостоятельности сибирского крестьянина, о «гордости сибирского мужика».

Примечательно в этом смысле указание В. И. Ленина в статье «Крепостники за работой»: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «русского» и к работе из-под палки мало приучен».

Эту же черту сибиряка отметил Чехов. «Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями». И в другом письме: «Здесь не боятся говорить громко... Народ все больше независимый, самостоятельный».

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! — восклицал Чехов. — Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей».

Но в Сибири были чиновники. Сибирь была отдана на откуп и разграбление чиновников. Порода их здесь была особенная, даже в сравнении с «русскими администрациями». Известно, что двумя огромными губерниями, равными трем европейским государствам, управляли полусумасшедшие губернаторы. Царизм посылал на службу в Сибирь таких людей, которых невозможно было держать в центральных губерниях. Вот характеристика, которую дал Чехов одному из пред-

ставителей сибирской администрации: «Заседающий — это густая смесь Ноздрева, Хлестакова и собаки. Пьяница, развратник, лгун».

Сибирь не могла быть «счастливейшей землей». Она стояла под пятой царизма. Этот богатейший и красивейший край, заселенный вольнолюбивым народом, был превращен в место каторги, ссылки, страданий. Если в сибирском пейзаже не было помещичьей усадьбы, то в нем была другая язва, чисто сибирская — это этап. «Мы обогнали этап, — писал Чехов в первом очерке из Сибири. — Звеня кандалами, идут по дороге 30—40 арестантов, по сторонам их — солдаты с ружьями, а позади — две подводы... Арестанты и солдаты выбились из сил — дорога плоха, нет мочи идти»...

И было это в Сибири бытовым явлением. Экономически и культурно Сибирь была отсталым краем. И эту отсталость, невежество и темноту царизм намеренно культивировал в Сибири, как впрочем и во всех окраинах страны. «Сибирский тракт, — писал Чехов, — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете». По дороге «не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоялых дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы».

Чехов горячо любил свою родину, горячо любил Сибирь, как органическую часть огромной Российской страны. Чехов глубоко переживал невзгоды Сибири. Но он верил, он знал, что со временем берега Иртыша и Оби, Енисея и Ангара, Байкала и Амура «осветит полная, умная и смелая жизнь». Взгляд Чехова был всегда устремлен в будущее.